

Это художественное произведение.
Имена, действующие лица, организации,
места и события вымышлены.
Любое совпадение с реальными людьми
или событиями является случайным.

*Посвящается Кэти
Мы сделали это, детка*

Глава 1

Первым делом Лиам заметил матрасы на полу. Они лежали в центре гостиной, где обычно стояли диван и журнальный столик, сейчас отодвинутые к стенам. Три матраса, вплотную друг к другу, без покрывал или простыней, только с букетиками бумажных цветов. Мама научилась делать их на мастер-классе, который устраивала ее подруга Пэтти, когда была беременна вторым ребенком. По одному букету на каждом матрасе. Яркие цвета производили жуткое впечатление в сумраке комнаты. Шторы были задернуты. В доме стояла тишина. Лиаму стало нехорошо, что-то явно было не так.

Не успел он задуматься о том, что же происходит, как тишину нарушил глухой удар, и Лиам увидел, как его старший брат Шон упал на пол. Чьи-то руки схватили Лиама сзади, оторвали от пола и понесли. Он вырывался, пытался позвать Шона или маму, но хватка была достаточно сильной, так что он с трудом мог дышать, не говоря уже о том, чтобы звать на помощь.

Ванна на ножках была старой и ржавой. Лиам успел заметить, что прохладная вода доходит до краев, прежде чем его бросили на твердые плитки пола, заломили

руки за спину и связали так крепко, что пальцы потеряли чувствительность.

— Мы собираемся к вашему отцу, — произнес голос за спиной. Мамин голос, неожиданно решительный и полный жизни. Выброс адреналина придал ей сил и энергии. Эта новая энергия пугала Лиам больше всего. — Мы снова будем одной счастливой семьей. Все вместе, как положено.

Мама подняла его и бросила в ванну. Лиам трепыхался, дергал ногами и рвался вверх, пытаясь найти опору, чтобы оттолкнуться и сесть, но из-за связанных рук и скользкого дна получалось лишь держать лицо над водой. Холодная вода мешала слышать, и только собственное дыхание эхом отдавалось в ушах.

Над ванной показалась мама. Она клоками отстригла волосы так близко к коже, что в некоторых местах порезалась до крови. При каждом движении пучки волос падали с воротника ее грязной ночнушки на поверхность воды. Кожа была бледной, а глаза пустыми и ввалившимися.

— Я люблю тебя, Лиам, — сказала мама, и ее пересохшие губы треснули. — Тебя и твоего брата. Сейчас мы отправимся к вашему отцу. Увидимся там.

Она положила ладонь ему на лицо и надавила. Лежа на дне, он задерживал дыхание сколько мог, но паника взяла верх. Он попытался пошевелиться, перевернуться, встать на колени, что угодно, но сжатые в кулаки руки были придавлены весом собственного тела. Мама продолжала держать, ее пальцы впивались в его глазницы и скулы, не давая двигаться. Легкие начали гореть. Он зажмурился до цветных кругов перед глазами.

Что ты натворил!

Секунды казались часами, скоро его хрупкое тело сдалось, и он бессознательно открыл рот, чтобы вдохнуть. В горло хлынула вода. Он попытался откашляться, но вода все лилась, проникала в легкие и не давала ему дышать. Тело отторгало то, что он вдохнул, но воде некуда было деваться, она все прибывала. Он тонул, умирал. В голове набатом звучало сводящее с ума обещание матери. «Мы снова будем одной счастливой семьей. Все вместе, как положено».

* * *

Лиам открыл глаза и подавился вдохом. Захлебываясь, он замолотил руками по воде, сон как рукой сняло. Лиам перевалился через бортик ванны и голышом шлепнулся на пол, откашливаясь и хватая ртом воздух.

— Боже! — заорал он между приступами кашля и попытался выровнять вырывающееся со свистом дыхание.

В коридоре послышались быстрые шаги. В дверном проеме замерла потрясенная Ванесса, его жена.

— Лиам! Что случилось?

На мгновение комната поплыла перед глазами, предметы и цвета слились в одно дрожащее нечеткое пятно. Он кое-как сел и прижался к стене рядом с унитазом, глубоко вдыхая полной грудью.

— Я... я... как я оказался в ванне?

Ванесса вбежала в ванную, ее светлые волосы были стянуты в хвост, а в глазах плескался страх.

— Что случилось? — она опустилась на колени рядом с ним и помогла сесть ровнее, опираясь на скользкий фаянс. — Почему ты кричал? Что ты делал в ванне?

Лиам успокоился, посмотрел на жену, потом на ванну, снова на жену. Его затрясло — он вдруг понял, насколько замерз.

— Почему... как я... Почему я был в ванне?

— Я об этом и спрашиваю.

— Я проснулся уже здесь. Как я тут оказался?

— Понятия не имею, — Ванесса встала, сдернула с вешалки полотенце и бросила мужу. — Я спала, а ты напугал меня своим криком. Я подумала, случилось что-то страшное. Не знаю, как ты туда попал. В последний раз я тебя видела, когда ты валялся в отключке на диване.

Лиам обернулся полотенцем и постарался унять дрожь. Он осторожно встал и добрал до унитаза. С того дня, когда мать пыталась его утопить, он до смерти боялся воды. Он никогда не полез бы в ванну по собственной воле. Он не принимал ванну двадцать семь лет.

Ванесса скрестила руки на груди:

— Что происходит?

— Понятия не имею.

— Ты правда не помнишь, как здесь оказался?

— Я серьезно. Я ничего не помню.

— Наверное, хорошо посидели вчера.

Лиам осмотрел себя. Он был мокрым и до сих пор дрожал. От плеча к груди тянулась толстая царапина. На вид свежая.

— Подожди. Ты сказала, я спал на диване?

— Явно всю ночь. Я проснулась около четырех и поняла, что тебя нет в кровати. Спустилась поискать, ты лежал на диване и храпел, как пьяный дурак. От тебя несло алкоголем. Неплохо было бы позвонить

Что ты натворил!

и предупредить, что будешь так поздно. Ты же знаешь, как я нервничаю.

— Извини. Я собирался позвонить. Полагаю, вечер просто вышел из-под контроля.

Лиам начал вытираться. В голосе Ванессы прорезались знакомые нотки. Она сердилась, а ему не хотелось опять ругаться. Тут она спросила у него, во сколько он пришел. Перестав вытираться, он замер как вкопанный, а его глаза на мгновение остекленели.

— Честно говоря, понятия не имею, — прошептал он больше себе, чем жене. — Этого я тоже не помню.

— О, это утешает. Соскучился по студенческим денькам, да? — Ванесса сняла с вешалки второе полотенце и принялась вытирать воду с пола. — Лиам, ты взрослый человек. Слишком взрослый, чтоб напиваться до отключки.

Она подняла глаза на него и показала пальцем:

— Что с твоей грудью?

Лиам ничего не ответил.

— Ага, знаю. Ты не помнишь.

Она закончила вытирать пол, перегнулась через бортик ванны и вытащила пробку. Он смотрел, как она подбирает его трусы около раковины, комкает и сует в карман халата. Она всегда убирается, когда злится. Будь это незначительный спор, после которого она начинает вытирать пыль, или крупная ссора, требующая реорганизации стенного шкафа, — уборка и гнев идут рука об руку. Так было с их самой первой встречи.

— Где твоя одежда? — спросила Ванесса.

От бульканья воды в сливе легкие Лиама снова сдавило, как будто он опять тонет. Его затошнило.

— В гостиной?

— Нет, там нету.

Он оглядел ванную, но одежды нигде не было.

— Неважно. Я не хочу знать. — Ванесса бросила мокрое полотенце в корзину для грязного белья и поправила развязавшийся пояс халата. — И с кем ты вчера пил? Не сомневаюсь, что твой брат тоже был.

— Да, Шон был, — соврал Лиам.

Он ничего не помнит о прошедшем вечере. Что случилось? Каким образом он оказался в ванне?

— Кто еще?

— Несколько ребят из участка. Ты их не знаешь.

Ванесса направилась к двери.

— Ты — криминалист полицейского управления Филадельфии. Тебе не кажется, что надо вести себя более ответственно?

— Всего один вечер.

— Лиам, ты вырубился. Как школьник, ворующий выпивку из родительского шкафчика и не умеющий себя контролировать.

— Прости.

Лицо Ванессы еле заметно напряглось. Она замолчала и отвернулась.

— Одевайся, а я сварю кофе. Ты опаздываешь.

Лиам проводил ее взглядом. Дыхание почти выровнялось, и в тишине ванной он попытался восстановить в памяти вечер. Но не смог вспомнить ничего, ни единой детали. Когда в последний раз он так напивался? Вода продолжала утекать, с журчанием и даже некоторым свистом.

— И помой ботинки, — крикнула Ванесса из коридора. — Ты оставил их у лестницы. Я чуть не убилась, когда спускалась утром.

Что ты натворил!

— Ладно.

Лиам встал с унитаза и прошел в спальню. Его со-
товый лежал на тумбочке. Лиам схватил его, прижал
большой палец к сканеру, и телефон ожил. Может быть,
получится восстановить свои шаги по звонкам или со-
общениям?

— Кофе готов!

— Сейчас спущусь!

После четырех часов дня новых сообщений не было.
Последнее пришло от брата, который спрашивал, нуж-
ны ли ему билеты на хоккей. Теперь, прочитав текст,
он вспомнил про билеты, но все остальное после этого
момента было как в тумане. Он перешел к записям
и увидел голосовое сообщение, поступившее в восемь
часов. Серое, значит, он его уже прослушал, но сейчас
не помнил ни звонка, ни сообщения. Он нажал на вос-
произведение.

«Привет, это я. Получила твое сообщение, но не
вижу тебя. Где ты? Позвони».

Лиам сразу же узнал голос. Керри. Она говорила
про какое-то сообщение, которое он ей отправил. Он
еще раз проверил в отправленных и ничего не обнару-
жил. Проверил удаленные, но и там ничего не было. Он
пересек спальню, выглянул в коридор и закрыл дверь.
Оставшись один, он набрал номер Керри и стал ждать.

«Привет, вы позвонили мне, и если знаете, кто я,
оставьте сообщение, и я...»

Он сбросил звонок и кинул телефон обратно на тум-
бочку. В тишине спальни было слышно, как за окном
поют птицы. Знак нового дня. Нового начала. Как у них
с Ванессой. Один день, потом другой, а там и следую-
щий. Им еще предстояло работать над своим браком.

Мэттью Фаррелл

Лиаму было шесть лет, когда мама пыталась его убить. Это случилось через одиннадцать месяцев после того, как они с Шоном потеряли отца в автомобильной аварии из-за неисправных тормозов. Мама не вынесла утраты и после смерти мужа все глубже погружалась в саморазрушение. Это было самое страшное, что Лиам видел за свою недолгую жизнь. Женщина, от которой он зависел, стала мрачной и впала в депрессию, отгородилась от обоих сыновей и общалась глухим мычанием и наклонами головы вместо настоящих слов. Большую часть времени они с Шоном пытались понять, что означают эти жесты и звуки и как на них отвечать. Иногда они угадывали. Но чаще ошибались. За те одиннадцать месяцев их мама перестала есть и готовить, а в свой последний день даже не смогла подняться с кровати, чтобы проводить их в школу. Отец был ее миром, и он умер. Весь тот год она умирала вместе с ним. Они с Шоном даже не догадывались, что ждало их дома тем вечером. Эти воспоминания, эти события остались выжженными в его душе словно раскаленным клеймом.

Пока Лиам одевался, птицы продолжали свою утреннюю песню. Голова болела, он силился вспомнить хоть что-нибудь из вчерашнего вечера, но ничего не получалось. Он задумался, вернется ли к нему память. Должна же, верно? Вероятно, к тому времени, как он приедет на работу. Нет смысла психовать. Кроме того, там будет Шон. Он расспросит брата и будет надеяться, что не натворил никаких глупостей. Если это не поможет, он дозвонится до Керри. Кто-то же должен знать. Пробуждение в ванне его напугало. Как он там оказался? Насколько был не в себе?

Глава 2

Тело Александра Скалли закрывала белая простыня. Это лучшее, что могли сделать приехавшие на вызов полицейские до окончания первичного осмотра, и только потом его можно будет упаковать в мешок для трупов, чтобы отвезти криминалистам. Шон Двайер пристально смотрел на жертву, как будто простыни не было вовсе. Как будто труп мог сесть и рассказать ему, кто это сделал. Но в подобном откровении, сверхъестественном или нет, не было необходимости. Шон и так знал, кто виновен.

Полицейское управление Филадельфии расследует примерно шестнадцать тысяч насильственных преступлений в год. Приблизительно триста из них — убийства. Для работавшего детективом в отделе убийств Шона большинство случаев были довольно банальными и незапоминающимися: разборки между бандами, домашнее насилие, закончившееся непреднамеренным убийством, скрывшиеся с места ДТП водители. Вышел на смену, отработал и забыл. Когда на двадцать один район приходится триста пятьдесят убийств, нет вре-

мени строить из себя Перри Мейсона*. Обычно тот, на кого падает подозрение, и есть убийца, и дело раскрывается без особой помпы. В этих убийствах нет голливудского блеска. Проза жизни, и, как и бывает в жизни, львиная доля работы ничем не примечательна. Но этот случай был не из таких.

Шон потерял щетину на квадратном подбородке и рассеянно подергал значок у себя на шее. Он работал в полиции двенадцать лет. Семь — в отделе убийств. Он думал, что к этому времени уже повидал все, но это место преступления заставило его остолбенеть. Поразительно, с какой жестокостью можно причинить смерть.

Медики ждали снаружи в своем фургоне. Было еще рано, но скоро начнется утренняя суeta. Дежуривший перед магазином патруль быстро прогонял пытавшихся поглазеть прохожих, но таких было мало. Город по большей части только просыпался. У них еще есть время до того, как сюда набегут зеваки.

В дверь вошел Дон Карпентер, напарник Шона. Высокий симпатичный афроамериканец, лет на пятнадцать старше Шона. Казалось, он не ходит, а плавает. В его движениях не было никакой резкости. Он нравился женщинам, но был верным мужем, что только добавляло ему привлекательности. Он был единственным напарником Шона, а также его наставником в первый год. За это время их общение вышло далеко за пределы работы.

— Извини за опоздание, — сказал Дон.

* Перри Мейсон — практикующий лос-анджелесский адвокат, литературный персонаж серии романов классика американского детектива Эрла Гарднера.

Что ты натворил!

В ответ Шон только отмахнулся и перевел разговор на другую тему:

— Как твоя мама?

— Вчера вечером заснула перед телевизором. А когда проснулась, не понимала, где находится. Запаниковала. Не слушала сиделок, так что они вызвали меня.

— Это случается все чаще.

— Знаю. Если так пойдет и дальше, возможно, придется перевезти ее поближе к себе. Я не могу мотаться в Дойлстаун каждый раз, когда у нее провалы в памяти. Это тяжело, — посетовал Дон и показал на простыню, прикрывающую мистера Скалли. — Нашли что-нибудь?

— Не особо. Жертве семьдесят два года. Владел магазином практически всю жизнь. Мы отправили патрульную машину за его женой, чтобы ее доставили к криминалистам для опознания.

Дон наклонился и оттянул простыню.

— Господи, — пробормотал он. — Можно сразу отправляться за зубной картой. От лица мало что осталось.

— Похоже, взлома не было. Полицию вызвал курьер, который привез посылку утром. Мы полагаем, что владелец знал убийцу. Магазин закрывается в восемь, приблизительное время смерти около полуночи.

— Криминалисты нашли отпечатки?

— Больше, чем надо. Входная дверь, стеклянный прилавок, полки, черный ход — им придется попотеть. Это канцелярский магазин за две недели до Пасхи. Мужик был занят.

Дон показал на камеру видеонаблюдения в углу под потолком.

— Есть запись?

Шон покачал головой:

— Камера передает на компьютер в дальней комнате. Системный блок пропал. Мы проверили кассы: наличных нет. То же самое с сейфом. Но есть выписки с кредиток и чеки.

— Системный блок? Кто пользуется системными блоками?

— Как я сказал, ему было семьдесят два года.

Пока Дон шарил за прилавком, Шон обошел магазин. Если не считать самого убийства, больше ничего не тронули. Поздравительные открытки лежали в своих ячейках рядом со стеклянными статуэтками и музыкальными шкатулками, которые оставались в своих витринах. С потолка свисали вырезанные из бумаги пасхальные яйца и легко покачивались от ветерка, которого он не ощущал. Никаких следов борьбы.

— Они не взяли чеки и данные по кредиткам, потому что их можно отследить. Тесак слишком умен для этого.

— Ты думаешь, это Тесак? — спросил Дон, листая счета рядом с кассовым аппаратом.

— А ты нет?

— Может быть кто угодно.

Мимо прошел один из криминалистов с полной оборудования сумкой. Шон заглянул внутрь. Пульверизаторы с какой-то жидкостью, пластиковые коробочки с наклейками и коробка латексных перчаток. Криминалистика. Он всегда был далек от этой области следствия. Криминалистом работает его брат, Лиам. В их семье он умный.

— Это Тесак, — сказал Шон, когда криминалист скрылся из вида. — Он много лет терроризирует вла-